

УДК 94(470.5).06:353

С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов

**«ГОРНОЕ ДЕЛО ПРОИЗВОДИТЬ СИЛЬНОЮ РУКОЮ...»:
ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА «ВЫСШИХ И НИЖНИХ
УПРАВИТЕЛЕЙ» ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА
В 20–40-х гг. XVIII в.**

«Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно,
не уважать оной есть постыдное
малодушие».

А. С. Пушкин

В статье рассматриваются отдельные фрагменты истории формирования корпуса руководителей и специалистов горнозаводского Урала. На основе документов федерального и регионального архивов воссозданы основные вехи биографий и профессионального пути выпускников Морской академии, прибывавших на Урал в 1725 г. и внесших свой вклад в развитие уральской горнозаводской промышленности первой половины XVIII в.

Ключевые слова: история горнозаводской промышленности Урала, Сибирский обер-бергамт, государственная служба в России, служилое дворянство, В. И. Геннин, М. С. Кутузов, Е. М. Арцыбашев, П. П. Зеленой.

Более полувека представители исторической науки поднимают вопрос о необходимости изучения роли личности в истории промышленного освоения Урала. Но количество трудов не становится больше. Данное утверждение в полной мере относится и к истории региона первой половины XVIII в. Эта сложная, комплексная проблема, рассчитанная на длительную работу: необходимо создать целостную

картину первого периода формирования уральского горнозаводского комплекса посредством исследования роли русских горных специалистов, мастеров-тружеников, иностранных мастеров в становлении «опорного края державы».

В 1720–1732 гг. в горнозаводскую службу из московских и петербургских школ и академий прибыло более 40 человек. Об их жизненном пути, за исключением деятельности Н. Г. Клеопина [см.: Корепанов, 2000], написано совсем немного. Имена многих из них достойны быть примером служения Отчеству. В этой связи, в рамках данной статьи предпринята попытка отразить некоторые вехи жизни и деятельности на Урале выпускников столичных учебных заведений, прибывших в Екатеринбург в 1725 г.

Хотя деятельность «школьников» из Морской академии не становилась темой специального научного труда, их имена, равно как и их вклад в становление уральской горнозаводской промышленности, неоднократно упоминались в работах, преимущественно уральских исследователей. Говоря о справочных изданиях, отметим биографические очерки А. Г. Козлова «Творцы науки и техники на Урале», в которые вошла справка о М. С. Кутузове [см.: Козлов, с. 62]. Также краткие, хотя и более законченные и развернутые биографические статьи (о Е. М. Арцыбашеве и М. С. Кутузове) можно обнаружить в «Энциклопедии Екатеринбурга» 2017 г. [см., Энциклопедия, с. 152, 170].

В череде монографий и специальных изданий сложно обойти вниманием работы Н. С. Корепанова, в которых мы находим отдельные эпизоды из жизни и деятельности героев данной статьи в 20–50-е гг. XVIII в. [см.: Корепанов, 1997, с. 30; 2000, с. 59, 64, 88; 2001, с. 23, 29–30, 32, 42, 57, 81, 111; 2006, с. 106, 121, 148–149, 174–175; 2015, с. 22–23]. Значимыми являются и работы А. М. Сафроновой, которая рассматривала педагогическую деятельность М. Кутузова в екатеринбургских школах, его интерес к книгам, посвященным горным наукам [см.: Сафронова, 2000, с. 49–51, 120–121; 2012, с. 387, 525]. Высокой оценки удостоилась деятельность М. С. Кутузова в качестве составителя инженерной графики в работе Б. Г. Рябова [см.: Рябов, с. 379, 382].

Отдельного внимания заслуживают статьи, в которых авторы упоминали имена выпускников Морской академии. Отметим работу В. Г. Карелина, в которой затрагивается картографическая деятельность В. С. Горчакова и М. С. Кутузова, а также участие А. М. Уварова в деле собирания материалов для знаменитой книги В. И. Геннина [см.: Карелин, 2008, с. 42, 44–46]. В публикации А. М. Сафроновой и С. И. Цеменковой раскрывается участие М. С. Кутузова в деле подготовки чертежей для «исторической книги» В. Н. Татищева [см.: Сафронова, Цеменкова, с. 337, 339, 344].

Источниковая база данной работы представлена архивными документами, извлеченными из фондов РГАДА и ГАСО. Это указы и распоряжения высших и центральных органов управления, переписка В. И. Геннина с коллегиями и канторами Санкт-Петербурга и Москвы, организационно-распорядительные документы уральской горной администрации (в том числе протоколы заседаний), доношения М. Кутузова, П. Зеленого, В. Горчакова, Е. Арцыбашева, Я. Бекетова горному начальству, картографические документы.

Активное промышленное освоение Урала в начале XVIII в. потребовало решения проблемы привлечения в горнозаводскую деятельность эффективных руководителей. Она фактически стала главной и решали ее по-разному. Одним из успешных приемов стала практика привлечения в ряды горных специалистов выпускников столичных учебных заведений.

Морская академия была основана в 1715 г. по указанию Петра I и была тесно связана с московской Школой математических и навигацких наук. Академия была призвана готовить квалифицированные кадры для российского военно-морского флота [см.: Веселаго, с. 599–600, 603], но так уж вышло, что ее выпускники направлялись служить Отечеству в различные отрасли государственной службы.

Именно учеников Морской академии было решено отправить на Урал в конце 1724 г., когда с очередной просьбой прислать на строящиеся казенные заводы толковых «школьников» обратился в Берг-коллегию главный горнозаводской командир В. И. Геннин.

В течение всего времени своего пребывания на Урале Вилим Иванович просил и требовал от всех вышестоящих инстанций помощи в присылке специалистов и управителей. Так, в 1724 г. он писал Петру I: «великая нужда имеется в добрых управителях, если Берг-коллегия в том не будет стараться, то все дела за неимением управителей опять бросить будем» [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 77, л. 260].

Удовлетворяя просьбу В. И. Геннина, в 1724 г. отобрали лучших из лучших. Хотя изначально наиболее успешных учеников Морской академии планировалось послать в Швецию для изучения прикладных горнозаводских наук, но было принято решение – восемь человек отправить служить на благо Отечества в новостроящийся Екатеринбург. Так, волею судьбы, решился карьерный путь Егора Михайловича Арцыбашева, Якова Алексеевича Бекетова, Петра Прокофьевича Зеленого, Михаила Сильча Кутузова, Алексея Васильевича Лаврова, Александра Михайловича Уварова. В их числе был и Константин Иванович Корсаков, но на Урал он так и не уехал. Все они были из мелкопоместных дворян, в возрасте от 20 до 22 лет. Изучали в академии «арифметику, геометрию, тригонометрию, плоскую навигацию, мер-

каторскую, ... сферик астрономию, географию, круглую навигацию, да сверх того артиллерию, фортификацию, геодезию живописную, рапир экзерции салдатской» [РГАДА, оп. 1, д. 1010, л. 386 об.].

Школьников отправили сначала в Москву, в Берг-коллегию, где они получили деньги на проезд и инструкцию о предстоящей поездке в Екатеринбург: «...поехать поспешнее, чтобы удобным временем туда прибыть ... в четыре месяца» [Там же, л. 405 об.]. Далее, по прибытии, им надлежало «отписаться под великим штрафом» в Берг-коллегию и незамедлительно «явиться... к генералу майору Геннину и быть у дел Его Императорского Величества кого к какому он, генерал-майор, определит» [Там же]. 24 декабря 1724 г. они получили подорожные грамоты (рис. 1).

Рис. 1. Подорожная Якова Бекетова. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 28.

Некоторые из них побывали дома – нужно было собрать все необходимое для дальней и сложной дороги, попрощаться с родственниками. Договорились 15 февраля 1725 г. собраться в Москве, выехать одной группой. Но выехали почему-то раньше, и не все вместе [ГАСО, оп. 1, д. 73, оп. 1, л. 432–435]. В конечном итоге, 3 апреля 1725 г. в Обер-бергамт явились: Е. М. Арцыбашев, Я. А. Бекетов, П. П. Зеленой, М. С. Кутузов, А. М. Уваров. 12 июня этого же года прибыл А. В. Лавров, в сентябре – князь В. С. Горчаков [Там же, л. 434–436].

Им дали время освоиться и обжиться в новой обстановке. Только 23 июня 1725 г. они были определены «в работы»: Михаил Кутузов к Екатеринбургской, Александр Уваров – к Угтусской, Яков Бекетов – к Полевской плавильням; Егор Арцыбашев – на Подволошный рудник,

Петр Зеленой – в надзиратели лесов, Алексей Лавров – в надзиратели работ [Там же, д. 55, л. 330 об.].

У горного начальства возник резонный вопрос: по какому платку назначить им жалованье? Решили – по ученическому, как в академии. Каждый из них назвал размер получаемого жалования «по наукам своим»: М. Кутузов, П. Зеленой, Я. Бекетов – по 36 руб., Е. Арцыбашев и А. Уваров – по 27 руб. в год. А что все сказали верно, и «без утайки» – в том руку приложили (рис. 2).

Рис. 2. Автографы М. Кутузова, П. Зеленого, Я. Бекетова, А. Уварова, Е. Арцыбашева, А. Лаврова. Екатеринбург, 1725 г. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 434–434 об.

Их письменно уведомили о необходимости принять присягу, которая должна была предостерегать «...от неверности, из которой происходят государственные вреды». Данное ими обязательство четко закрепляло тот факт, что «...всяк, кто в службу воинскую, гражданскую или придворную принят будет, прежде вступления в оную должен верность утвердить обещанием перед святым алтарем и потом поцеловать святое Евангелие и Крест, подписать своею рукою» [ГАСО, оп. 1, д. 55, л. 340]. Вчерашние школьники были приведены к присяге и вступили в новый этап своей жизни – Урал начал формировать из них профессионалов, специалистов-практиков, организаторов горного и заводского дела.

Горная администрация быстро и четко подмечала базовые, такие необходимые для горного дела таланты и способности каждого из вновь прибывших. Так М. С. Кутузов недолго оставался в плавильне. Уже в сентябре 1725 г. ему определили новое место службы – быть учителем в школе, преподавать арифметику, геометрию, знаменование и составление чертежей, «понеже свыше ево, Кутузова, в науках, по скаскам их, при Екатеринбургхе не имеется, и между присланными

от Академии учениками он, Кутузов, искуснее» [см.: Сафронова, с. 49–50]. Прежний учитель, молодой Петр Рыбников, прибывший на Урал как выпускник московской артиллерийской школы, 30 августа 1725 г. «от сего временного света в вечное житие отойде» [ГАСО, оп. 1, д. 55, л. 1081–1082]. Место М. Кутузова у «плавильных медных дел» занял Василий Горчаков, прибывший в Екатеринбург последним.

Но практика повседневности горнозаводского Урала того периода была такова, что долго на одном месте толковые исполнители не засиживались. Раз от раза их «перебрасывали» от одного вида деятельности к другому, в зависимости от тех задач, которые ставили перед В. И. Генинным и его командой руководители государства. Быстро выяснили, что Михаил Кутузов хорошо рисовал и умел составлять грамотно и очень аккуратно карты, планы и чертеж – во второй половине 1720-х гг. он выступал одним из основных составителей картографических документов (и обучал этому искусству местных школьников). М. С. Кутузов стал автором первых планов Екатеринбурга (1726 и 1729 гг.), до конца 1720-х гг. объездил все казенные уральские заводы и для каждого составил запрошенные Берг-коллегией и В. И. Генинным комплекты рисунков, карт и планов [Там же, д. 121, л. 101].

Здесь сделаем отступление и дадим некоторые пояснения. Власти столиц наделили В. И. Генинна большими полномочиями в оценке способностей, трудолюбия и исполнительности подчиненных. Так, указ Сената от 23 июня 1725 г. определял: «всем людям на заводах жалование давать смотря по их искусствам и которые в мастерствах и будут превосходить, таким прибавлять, а другим за нерадение и ленивства убавливать» [ГАСО, оп. 1, д. 376, л. 337 об.].

Через шесть лет указами Сената от 14 июня и 2 июля 1731 г. В. И. Генинну была предоставлена «полная мочь» в деле изменений в кадровом составе и перемен в руководстве. Требовалось лишь присылать рапорты «для конфирмации», «не списываясь с Берг-коллегией дабы в переписках время не упускать». Это положение в полной мере касалось «в производстве обретающихся при горных заводах искусных шляхтичев и горных людей по прилежности в трудах их» очередными офицерскими чинами, «чтобы они тамо охотнее жили» [Там же, л. 338–340].

Таким образом, с 1720-х гг. было определено магистральное направление в деле подготовки горнозаводских офицерских кадров: «...вновь в чины производить прежде таких, которые в металлургии, в горных и в заводских произведениях искусны будут. Того ради, надлежит каждому, обретающему в той службе не обученным и кто в оную пожелает вступить обучиться: во-первых, арифметике, геометрии и далее, чтоб мог настоящие горные заводские планы и ситуа-

циям мест чертежи делать, также пробирному и протчему до горного и заводского дела принадлежащему обучатся ж. И к произведению их в аттестатах именно объявлять, кто к чему обучен и искусен будет с их подлинным состоянием» [Там же, д. 1068, л. 224 об.].

Теперь должно быть ясно, что все, кто не думал сбегать, а решил посвятить жизнь Уралу, были одержимы стремлением к учебе и самосовершенствованию. Это стремление прививалось и молодому поколению: «всем, находящимся при заводских делах унтершихтмейстерам и прочим объявить с подтверждением, что впредь не выучась предписанным наукам, в горные и заводские офицеры произведением могут оставаться, и дабы всяк к тем наукам с прилежностью обучился» [ГАСО, оп. 1, д. 1068, л. 224 об.].

Продолжил свое обучение и М. Кутузов: в марте 1727 г. он вместе с В. Горчаковым был направлен постигать маркшейдерское искусство к Вильгельму Штифту на Григорову гору [Там же, д. 152, л. 318]. В. Штифт приехал с Олонца вместе с В. И. Генниным в 1722 г. и дал обязательство обучать русских маркшейдерским и плавильным наукам.

К началу 1730-х гг. Михаил Силыч становится квалифицированным специалистом и демонстрирует хорошие административные навыки: горная администрация рассматривает его уже в качестве руководителя. Так, в конце 1730 г. принимается решение назначить М. Кутузова руководителем экспедиции, направляемой на поиск и освоение в Орленской слободе Илимского уезда¹ Сибирской губернии свинцовых и серебряных руд [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 490, л. 446]. Экспедиция была трудной (дикие, практически безлюдные территории, нехватка провизии, одежды, рабочих материалов), и затянулась до весны 1735 г.: в показанных местах залежи руд оказались поверхностными и быстро иссякали. Несмотря на то, что скоро стало ясно – данное мероприятие горной администрации сродни авантюре, – к миссии своей М. Кутузов отнесся добросовестно, исследовал многие территории по течению реки Лены, обустроивал рудники и плавильные печи, составлял детальные отчеты и аккуратные чертежи (рис. 3).

Вернувшись из экспедиции, в июле 1735 г. М. Кутузов по распоряжению В. Н. Татищева выполнил еще одно непростое задание – провёл на заводах А. Демидова «сыск» беглых мастеровых и рабочих людей, освидетельствовал домны [ГАСО, ф. 24, оп.1, д. 524, л. 53 об.].

В последующем Михаил Силыч выполнил еще целый ряд непростых поручений, данных ему горной администрацией. В том же 1735 г. он был назначен управителем Полевского завода и занимал эту должность до ноября 1737 г. Здесь, участвуя в обороне заводских тер-

¹ С 1764 г. Илимский уезд вошел в состав вновь образованной Иркутской губернии.

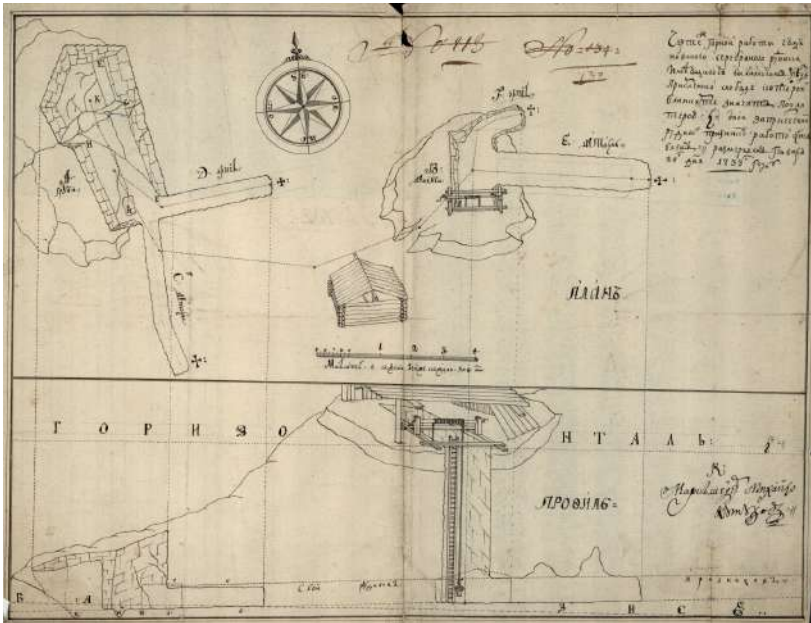

Рис. 3. Чертеж горной работы Чудиновского серебряного рудника. Илимский уезд. 1733 г. Автор: маркшейдер Михайло Кутузов. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 15. Л. 1.

риторий весной-летом 1736 г., был серьезно ранен «в степи, в походе против воров башкирцов»² [Там же, д. 691, л. 324].

В ноябре 1737 г. по распоряжению В. Н. Татищева М. Кутузов был направлен к Верх-Ицкой крепости, «где медные заводы будут строиться» [ГАСО, оп. 1, д. 791, л. 290 об.]. Там в тяжелейших условиях фактически военного времени под его руководством начались строительство завода и разработка рудников. Эта затея также была сродни авантюре, поскольку рядом не было леса, не хватало материалов (их можно было раздобыть только в Екатеринбурге, а до него 500 верст), до ближайшего рудника было 60 верст, не хватало работников, так как не было русских деревень, не хватало и надлежащей охраны, поскольку местные военные власти строительству не способствовали. Присланные из Перми рабочие люди (всего 31 чел.) терпя тяготы, боли и умирали [Там же, д. 791, л. 182, 624]. Неизбежно возникающие конфликты с местным населением довели М. Кутузова, обладателя

² Башкирское восстание 1735–1740 гг. – крупнейшее в череде башкирских восстаний XVIII в. Непосредственным поводом для выступлений башкир стала деятельность Оренбургской экспедиции.

сильной руки и крутого нрава, до суда – будучи вызван в Мензелинск³ на разбирательство, он, «в шумстве», до смерти забил плетью одного из местных «новокрещенных» казаков [Там же, д. 742, л. 834]. Горная власть заступницей не стала: военный суд в Мензелинке (кригсрехт) осенью 1738 г. приговорил его, дворянина, к лишению всех чинов и рангов. В должности простого штейгера, снова терпя тяготы и теряя здоровье, он служил на местном Кармалинском руднике почти год [Там же, л. 1032–1033].

В самых разных и порой сложных ситуациях пересекались жизненные пути выпускников Морской академии. Должность М. С. Кутузова – руководителя новостроящегося завода (который, надо сказать, так и не достроили) – в декабре 1738 г. занял гиттенфервальтер А. В. Лавров. Архивные документы косвенно свидетельствуют (но говорить с уверенностью мы об этом не можем), что Алексей Васильевич Лавров как мог, старался облегчить жизнь «бывшего горного межевщика» М. С. Кутузова, хотя ему и самому приходилось на новой должности туго. Из Самары В. Н. Татищев⁴ присылал непростые распоряжения: осмотреть ранее брошенный Табынский завод (до него было 500 верст), поискать «нет ли каких русских деревень» в округе, разобраться с бунтом крестьян на Шилвенском частном заводе (до него тоже не близко), приискать новые рудники [ГАСО, оп. 1, д. 791, л. 106 об., 424].

Когда в сентябре 1739 г. на Ик из Екатеринбурга пришел приказ прислать в Казань «для осмотра вновь найденных рудных мест знающего бергаура с двумя учениками», А. Лавров выбрал М. Кутузова. В октябре 1739 г. Михаил Силыч был уже в Казани, где управителем состоял также выпускник Морской академии Леонтий Иванович Бекетов. Но начиналась зима, осматривать рудники стало невозможно, и М. С. Кутузова отправили в Екатеринбург. Оттуда в январе 1740 г. он был послан штейгером на Полевской завод, в помощь к бергмейстеру Иогану Крумбигелю. Здесь М. Кутузова и застало известие – императорский указ от 14 февраля 1740 г. «Об оказании высочайшей милости для окончания турецкой войны». В четвертом пункте указа значилось: «всех тех, которые во время прошедшей войны за не исправление должностей своих военным судом осуждены и чинов лишены, всемиловитейше прощаем с возвращением их прежних чинов и оставлением их от военной службы». [Там же, д. 854, л. 1]. Кутузова

³ Мензелинск – в XVIII в. крепость в Уфимском уезде. Ныне – город в Республике Татарстан. В 1735–1742 гг. в крепости располагался штаб Башкирской комиссии. Штаб координировал действия правительственных войск по подавлению башкирских восстаний 1735–1740 гг.

⁴ В. Н. Татищев в это время занимал должность начальника Оренбургской экспедиции.

вернули в Екатеринбург, начали собирать необходимые «для реабилитации» документы. А пока Михайло Силин сын Кутузов оставался «бывшим маркшейдером», ему дали новое поручение: «описать сенокосные места и положить на чертежи вокруг Екатеринбургского, Уктусского и Верх-Исетского заводов, ... все сенокосные покосы освидетельствовать и по частям размерить» [Там же, д. 850, л. 803]. Этой работой Кутузов – летом размеривал, а в зимнее время переносил на схемы и чертежи территории под сенокосы – занимался вплоть до своей кончины в ноябре 1741 г. [Там же, оп. 12, д. 298, л. 153].

Непростой была и служба Петра Прокофьевича Зеленого. Изначально определенный в надзиратели лесов, он добросовестно выполнял данную ему инструкцию и вскоре попал в поле внимания властей: поймал и передал под суд браконьера, рубившего под корень молодые березки на веники. А позднее занимался межеванием – проводил границу между казенными и башкирскими землями. Он, видимо, подготовил и первую, дошедшую до нас карту озер и истоков реки Чусовой.

В июле 1727 г., работая шихтмейстером на Уктусском заводе, П. Зеленой впервые сообщил в Обер-бергамт о нюансах взаимоотношений В. Н. Татищева и А. Н. Демидова в 1721 г. Он представил в Сибирский обер-бергамт два письма. Содержание писем представляет интерес для историков Урала, поэтому кратко о сути переписки: В. Н. Татищев запретил Демидовым добывать горновой камень. В личном письме Акинфий Никитич поинтересовался: на основании какого указа это сделано? Мягко намекнул капитану: «карабельному баутному и артиллерийскому железу и медной плавке учинится остановка», сорвется выполнение заказа императора. И, в конце письма ядовито заметил: «просим вашего величества о рассмотрении о той обиде и позволении о ломке доменного камня что позволишь».

В ответном письме В. Н. Татищев не менее жестко сообщил: запрещение ломки камня «по какому указу учинено, о том мы доносить тебе не повинны, ...что же Вы меня во оном письме браните не приличную честию же [Вашего Величества] принадлежит токмо великим государям, и оное я уступаю, полагая на незнание Ваше. Упоминаю же, дабы впредь так не дерзали» [ГАСО, оп. 1, д. 134, л. 55 – 55 об.].

Далее судьба завела П. П. Зеленого на Григорову гору, где он в 1728 г. встретил М. Кутузова и В. Горчакова. А на Пыскорских водах он пересекается с А. Лавровым, который был сюда направлен в сентябре 1726 г., проработав год надзирателем работ в Екатеринбурге и получив чин шихтмейстера [Там же, д. 568, л. 157].

П. Зеленой с А. Лавровым 5 сентября 1731 г. написали общее прошение В. И. Геннину: «присланы из академии с прочим нашими братьями..., посланы к вице-бергмейстеру Штифту обучаться марк-

шейдерской горной и пробирной наукам, дабы мы могли по отъезде его оные дела править, обучились и от Штифта аттестат дан. А жалованием получаем по 36 рублей в год, другие наши братья, которые присланы с нами же и у него же Штифта обучились оной маркшейдерской науке, получают по 100 рублей».

В. И. Геннин 8 октября 1731 г. решил: «служат при горных делах уже немалое время, не отбиваясь к Москве..., за их верную службу и труды определить в маркшейдеры, дабы им против своей братии обиженным не быть» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 331, л. 501, 506].

О том, что обучились они сполна, был им дан от В. Штифта аттестат:

«Могут оные, Зеленой и Лавров размерять на янгах и на флечах, на штокверках и на гнездовых рудах, в показании на плане шахт, штолен, кваршлагов, штрэбенов и штрэках, и в разделении межеванием как на верху, так и в горелахштейнами или гранями в профилях с ясным объявлением с возвышением и упадением одного против другого шахт, знатных мест, в которых чертежах вся горная работа в ясности видима будет.

Також и горную работу править могут сами собою отпущанием и утвержением шахт, також и проходные штольни, кваршлаки, штрэбены и штрэки вести и крепить по горному обыкновению. Да и кайлом и киркой и малым буром шифер и руду добывать и разбирать от простого камня, да и большим буром бурить для прииску руд и шиферу сажень на 20 и больше, також и шихт промывать могут.

А пробы, как руды пробовать золотые, серебряные, свинцовые, медные и железные, как во оных доброту познать, они, шихтмейстеры, обучились и править сами собою могут» [Там же, л. 504 об.].

А. В. Лавров и П. П. Зеленой еще два года служили вместе. Первый в 1731–1732 гг. возглавлял Пермское горное начальство, второй был у него помощником и, одновременно, главным на Григоровой горе. Далее Алексею Васильевичу поручили управление Верх-Исетским заводом, а затем он трудился на строительстве нового, Висимского, – именно с этого места было дано ему предписание сменить М. Кутузова на Ике [ГАСО, оп. 1, д. 610, л. 544; д. 936, л. 95–98].

Все представленные в статье выпускники академии были дворянами, имели небольшие владения. Находясь в службе далеко от дома, они не могли уделять должного внимания своему хозяйству. Вот и у П. Зеленого случилась беда. В 1739 г. дошло до него известие из родных мест из Новгородской губернии, Великолуцкой провинции, Торопицкого уезда о том, что после смерти родителей (родных братьев у него не было), «в небытность его в деревнях» сосед его, ассессор С. Бултин, «насильственно земли запахал», крестьян выгнал, и нанес ему, Зеленому, «крайнее разорение». Петр Прокофьевич стал просить отпуск,

даже предложил членам Канцелярии себя в качестве управителя казенного каравана 1740 г. Так и решили, и он повел караван из коломенок. Благополучно прибыл в Санкт-Петербург и в сентябре 1741 г., сдал там продукцию уральских заводов. По указу Сената еще два месяца свидетельствовал серебряные рудные месторождения в Новгородском уезде. Просился в военную службу ближе к дому – отказали: не хватало на Урале толковых горных специалистов. В декабре того же года наконец дали ему отпуск, но всего на шесть месяцев. Судебная тяжба с соседом затянулась, и в срок вернуться на службу не удалось. Из дома его, как не явившегося вовремя на службу, фактически под конвоем привезли в Москву. Вновь он был командирован «свидетельствовать руды», но уже в Курском и Бахмутском уездах [ГАСО, оп. 1, д. 917. л. 34, 159–165].

Только в конце декабря 1742 г. он вернулся в Москву, где получил новое распоряжение – ехать вновь на Урал, вести порох, бумагу и прочие необходимые материалы. В январе тронулись в путь с маркшейдерским учеником Ф. Аврамовым и охраной. Но как только отъехали от Москвы, «у деревни Бунковой, у речки Клязьма на Рогожском лесу», повстречали обоз с Сибирской десятинной казной. Солдаты конвоя, унтер-офицер, капитан, ямщики «в великом множестве пьяные с превеликими дубинами напали» и жестоко избили уральцев. В близлежащей деревне засвидетельствовали: П. Зеленой весь в крови, «правой рукой не владеет, левым глазом насилу видит, опухоль к сердцу приступает». В селе его даже исповедовал священник [Там же, л. 34, 159–165].

Следствие не дало результатов. Все, от солдата до капитана, на допросах согласованно утверждали: в побоище не участвовали. Доказать факт избиения действительно было сложно. А так как конвой подчинялся Сибирскому губернскому начальству, П. П. Зеленому и его спутникам предложили подать иск в эту инстанцию. Было ли это сделано в последующем, мы не знаем [ГАСО, оп. 1, д. 984. л. 117, 186–188, 528–538].

В конце концов, тяготы служения подорвали здоровье П. Зеленого. Он сказывался нездоровым с момента своего прибытия из Москвы, с мая 1743 г. В апреле 1744 г. лекарь екатеринбургского госпиталя И. Х. Шнезе обнаружил у Зеленого «ножную, головную и гортанную болезни, коих за застарелостию вылечить не можно» [РГАДА, оп. 1, д. 923, л. 257]. В июне 1748 г. Медицинская кантора в Москве заключила, что П. Зеленой «одержим цынготной болезнию, от которой у него ныне обе ноги имеются в сильной опухоли с пятнами, при том же он слаб и движения свободного не имеет. Он взял отпуск на год и уехал лечиться в родные края [Там же, л. 273]. Болезни уже не отпу-

скали его, вынуждая постоянно просить отпуск для лечения [ГАСО, оп. 1, д. 1393, л. 509–510].

Василий Сергеевич Горчаков работал на Урале недолго. Получив вместе с М. Кутузовым аттестат от В. Штифта, был назначен вице-бергмейстером и определен в Екатеринбурге «к делу пушечных лафетов и к литью чугунных пушек», а также «сочинению ландкарт заводов в планах и чертежах». Первая важная работа отнимала много времени, на второе поручение его фактически не хватало. Впоследствии он выполнил часть этой работы и выступил автором ряда рисунков и планов уральских горных заводов [Там же, д. 331, л. 701–702; д. 278, л. 219–220].

В июле 1730 г. Василий Сергеевич был отпущен в отпуск на год, и какими-то путями (быть может, помог Роман Горчаков, который служил на Урале, уехал из Екатеринбурга ранее и устроился в Берг-коллегию), сумел добиться определения в воинскую службу. Служил подпоручиком в Изюме и очень рано, в 1736 г., умер [Там же, д. 375, л. 159–160; д. 890, л. 303–330].

Александр Михайлович Уваров, определенный изначально на Уктусскую плавильню, уже к концу 1725 г. курировал совершенно новое дело – изготовление денег-плат, а в 1727 г. получил поручение состоять в припасной канторе «у прихода и расхода денежной казны». В 1730 г., «не имея в счетах конфузии», первым из сотоварищей добился отпуска, уехал в «дом свой со взятием реверса»⁵ [РГАДА, оп. 1, д. 278, л. 119–120].

По возвращении из отпуска, 4 марта 1731 г., он написал прошение на имя В. И. Геннина о том, что служит с 1725 г. в горных и заводских делах бергешвореном «токмо без рангу», и «против своей братии» он обижен. Генерал-лейтенант собственноручно начертал – «...за ево многие и верные в заводских делах труды быть гитенфервальтером». И видимо, приглядывался к его работе. Особенно понравились ему присланные А. Уваровым для утверждения в феврале 1732 г. клейма «для клеймения меди управительские и мастерские, годовые и российских гербов». И когда Вилим Иванович поехал с обзором на Лялинские заводы, он взял Александра Михайловича с собой и еще раз убедился – хороший исполнитель! В начале марта 1732 г. В. И. Геннин приказал ему ехать в Москву и Санкт-Петербург с особыми бумагами к императрице, в Сенат и в «Артиллерию»⁶. Александр Уваров тогда еще не знал, что решение по одному из писем генерала определит его дальнейшую судьбу. Дело в том, что генерал-лейтенант написал доношение с просьбой утвердить Александра Уварова в должности его

⁵ Здесь – письменное обязательство о непременном возвращении на службу.

⁶ Речь идет о Канцелярии главной артиллерии и фортификации.

адъютанта: «хотя он при воинских случаях и не бывал, однако ж по Табели состоит в рангах офицерских и в оном адъютантском чине быть при мне годен...». Решение было положительным. В конечном итоге, именно в этой должности А. М. Уваров покинет вместе с В. И. Гениным Урал [ГАСО, оп. 1, д. 375, л. 232].

Яков Алексеевич Бекетов во второй половине 1720-х годов был занят на финансово-административных должностях в Екатеринбурге. На удивление быстро продвигался по службе, стремления к обучению не проявлял, от Вильгельма Штифта получил отрицательный отзыв, дескать, в маркшейдерских науках «не понятен». В 1731 г. был послан с канцелярскими делами в Берг-коллегию. Надолго задержался в Москве (по всей вероятности, – на это указывают косвенные данные архивных документов, – искал возможности остаться в старой столице). Но вернулся на Урал, где год работал управителем Алапаевского, а в 1735–1736 гг. – Екатеринбургского заводов. Видимо, приворовывал, так как из жалованья всегда вычитались большие суммы [ГАСО, оп. 1, д. 568, л. 691–692].

С начала разработки горы Благодать был направлен в 1739 г. в этот совершенно необжитый край строить Туринский завод. Но в 1740 г. каким-то случаем оказался в Казани и там «заболел жестокой болезнью». Канцелярия получила справку, довольно странную, с нечитаемой подписью местного «немецкого врача». В ней зафиксировано: «С марта лечил дизентерию и оную чрез великий труд не мог справиться до мая, а после той от великой слабости приключились фебрис и реденс, в которой лежал до половины июня в великом беспамятстве, а ныне сделалось обштрукции гипатис и от того живот очень туг и дыхание тяжелое. И за оной трудной его болезни из Казани ехать ему невозможно до вылечки, понеже в пути не сделалось бы ему от труда и от невоздержания смертной причины». Как в дальнейшем сложилась его жизнь – пока неизвестно. Но в детальных списках уральских горных офицеров за 1744 г. его имя не обнаружено [Там же, д. 867, л. 344].

Егор Михайлович Арцыбашев, прослужив недолгое время на Подволошном руднике, в 1727 г. был направлен на Полевской завод «для отправления горных и плавильных дел» и задержался здесь на семь лет, получив чин берггешворена. Ездил по окрестным местам для осмотра рудных мест. Так, например, в 1731 г. он осматривал территории между озерами Иткуль и Карасье [ГАСО, оп. 1, д. 287, л. 170–171].

В 1734 г. получил восьмимесячный отпуск, съездил домой. По возвращении, в 1736 г., принимал участие в обследовании недавно открытой горы Благодать, а через два года в составе большой экспедиции уехал на Кольвано-Воскресенские заводы, и уже оттуда, гиттенфервальтером, трудиться в Сибири, в район Красноярска, где искал

руды, строил Луказский и Ирбинский заводы [ГАСО, оп. 1, дд. 490, 588, 609, 707, 893, 919].

Будучи в Сибири, он получил известие о большой семейной беде: донеслось до Сибири эхо «времен Очаковских...», т. е. русско-турецкой войны 1730-х гг. Такие письма – редкость в архивных делах официального характера, поэтому опубликуем его полностью.

«Государь мой Егор Михайлович. В милости Божии здравствуйте и к нам о Вашем здравии прикажите писать чего всегда сердечно желаем слышать.

Я за помощью Божескою и с Вашою сестрою и с детьми, кои есть при нас, в наших суетах по ниже писанное число благодаря Бога еще жив и определен здесь в губернской канцелярии с прошедшего июля 739 году, где обретаюсь и до днесь. А зетья наши и с их присно домовыми в разных местах есмь благополучны.

Ежели Вы до сего не известны о кончине Ваших братьев Александра и Алексея, то Вам сим объявляем, что их не стало в Очакове прошедшего 1738 году. А сего 740 году, прошедшего апреля 14 дня, по воле Божее всемогущего и брата Вашего Ильи в подмосковной деревне не стало ж. А после покойного брата Вашего Алексея, по его духовной, что надлежало из Военной конторы выдать денег, то и выдано, а по расчислению, Вам что надлежит, удержано. И без верюшаго от Вас письма нам не отдают, а требуют от Вас верюшаго письма. Чего для, не повелите ль, такое письмо чрез случившуюся оказию нам прислать, по которому, взяв под охранение, до прибытия Вашего содержать можем. И тако, сим объявляя, пребываю Ваш, моего милостивого, верный слуга, в Москве. Иван Тургенев. Июня 5 дня 1740 года» [Там же, д. 891, л. 239–239 об.].

Почти 10 лет не был Е. Арцыбашев дома. С великим трудом он добился отпуска. Но уже в 1745 г. приехал на родной уже Урал. Кстати, с собой из отпуска привез для камнерезной фабрики отличную новую модель «для разрезывания мрамора» [ГАСО, оп. 1, д. 1051, л. 495]. Он еще два десятка лет будет писать биографию уральской индустрии: в 1750-е гг. Егор Михайлович возглавлял Екатеринбургские и Пермское горные начальства, был управителем Екатеринбургских заводов, в 1760 г. вошел в состав присутствия Канцелярии главных заводов правления. Возможно, он был единственным из наших героев, кто вышел в отставку в должности надворного советника и ушел из жизни в преклонных летах.

А некоторые, как М. С. Кутузов, так и не вернулись с Урала. В ноябре 1741 г. канцелярия Главного заводов правления выделила «...в качестве заслуженного ево по день смерти жалованья, на погребение ево, Кутузова, денег пяти рублей». И приписали: «...и что Кутузов умер, в списке отметить» [Там же, оп. 12, д. 298, л. 153]. Ушел из жизни, но оставил после себя дела славные и не очень, достойных уче-

ников, в числе которых были И. Бортников и А. Кичигин [см.: Сафронова, с. 157], обширный корпус качественных чертежей, планов и карт, которые до сих пор интересны специалистам самых разнообразных отраслей [см., например: Рябов, с. 379].

Разные, хотя и переплетающиеся судьбы, разные карьерные стратегии, но общее дело были у М. С. Кутузова, П. П. Зеленого, Е. М. Арцыбашева, В. С. Горчакова, А. В. Лаврова, А. М. Уварова, Я. А. Бекетова. Их вклад в развитие горнозаводского Урала XVIII в. достоин самого пристального внимания исследователей и, без сомнения, найдет освещение в последующих работах.

Абрисы В. де Геннина. Чертежи и планы Уральских и Сибирских заводов XVIII века. Екатеринбург : Артефакт, 2015.

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление. 1702–1919 гг.

Карелин В. Г. К истории рукописи «Описание уральских и сибирских заводов. 1734» // Четвертые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. (Екатеринбург, 14–15 февраля 2008 г.). Екатеринбург : [б. и.], 2008. С 40–47.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1981.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.) // Город Екатеринбург. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. (Очерки истории Урала; вып. 4).

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.

Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Берг-коллегия, гг. Москва, Петербург.

Рябов Б. Г. Уникальные «машины» горнозаводского Урала и Сибири (XVIII – середина XIX веков). Екатеринбург : Демидов. ин-т, 2016.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга : Изд-во Урал. ун-та, 2012.

Сафронова А. М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.

Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Сафронова А. М., Цемленкова С. И. Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735–1738 гг. для «исторической книги»: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 333–357.

Энциклопедия Екатеринбурга. Т. 1. 1723–1807 годы: рождение и становление. Екатеринбург : ООО «Туристско-информационный центр Екатеринбург», 2017.